

Шекспир на шведской стенке

«Ромео и Джульетта»
на Венском фестивале

Каширская № 2003 - 21 мая -
фестиваль театр - с. 22.

В столице Австрии продолжается традиционный международный музыкально-театральный фестиваль Wiener Festwochen. Швецию в его программе представляет спектакль «Ромео и Джульетта», кажущийся неожиданно энергичным и веселым для всех, кто знаком с неторопливым и вдумчивым театром северной страны. Из Вены — РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

На постере Венского фестиваля крупными красными буквами красуется слово «Sauegei». Первый раз увидев его, я не поверил глазам и, усомнившись в своем немецком, полез за словарем. Нет, все именно так, как я и помнил, слово это обозначает «грязь, свинство, похабство». Организаторы Венского фестиваля так пошутили, надеясь невинной провокацией привлечь дополнительное внимание прохожих. Стало даже завидно: представьте себе, например, что на плакате только что открывшегося Чеховского фестиваля будет крупно написано «Свинство». Или, того лучше, «Похабщина». Проезжающие чиновники юмора наверняка не оценят (большинство граждан тоже сочтут себя обиженными), и театральный праздник москвичей, не начавшись, будет запрещен указом столичных властей.

Так или иначе, но об одном по отношению к Чеховскому фестивалю можно уже пожалеть всерьез — о том, что в орбиту его внимания не попал шведский спектакль «Ромео и Джульетта». Датскому режиссеру Катрин Видеман пришла идея, которую навскидку не назовешь ни смелой, ни оригинальной: привить к театральному дереву цирковые приемы. Спектакль осуществлен совместными силами знаменитого королевского театра «Драматен» и цирка «Циркер». То есть силы драмтеатра были, скорее всего, лишь организационными — судя по ловкости и умениям актеров, все, кто находится на сцене, пришли из цирка. Даже для того, чтобы просто освоить декорацию «Ромео и Джульетты», потребна незаурядная физическая подготовка. Художник Серен Брунес поставил на сцене огромный черный вираж словно для великанов-скейтбордистов — горизонталь просцениума главно закручивается в вертикаль задника. В нем открываются двери и окошки, из него выдвигаются жердочки, и актерам нужно взбежать вверх, перепрыгивать, балансировать, подтягиваться и кувыркаться, чтобы переползти с этажа на этаж. Появляясь на сцену, герои с разбега добираются чуть ли не до верхней кромки, чтобы потом плавно «стечь» по виражу вниз.

Тон представлению задают акробаты и воздушные гимнасты. Юная Джульетта с кормилицей, крепко сбитой теткой, прилетают на сцену на трапеции и выдвывают над партером удивительные трюки. Эротическая сцена веронских любовников разыгрывается тоже в воздухе, на длинных белых канатах. По натянутому канату ходит Бенволио. А сам Ромео выкатывается на сцену в двойном гимнастическом колесе. Между тем номера номерами, а сюжет знай себе двигается в назначенном Шекспиром направлении, и молодые актеры чудом успевают не только виртуозно работать натренированными телами, но и вполне внятно играть свои роли. Конечно, каждый трюк — а таковых немало — им надо технически безупречно отработать, но швы между «чисто театром» и «чисто цирком» заделаны в «Ромео и Джульетте» так гладко, что их вроде бы как и нет вовсе. Очень непринужденным выходит у шведов союз арены и подмостков.

Впрочем, в спектакле немало и просто театральных гэгов. Например, как сделана почта: в люках появляется пара голых человеческих пяток, и письмо надо засунуть между пальцами. Потом пятки

В шведском спектакле юная Джульетта с кормилицей прилетают на сцену на цирковой трапеции. ФОТО WIMMER DOROTHEA

начинают мелькать то там то здесь, то есть почта благополучно идет, но одна из ног вдруг роняет письмо — и таким образом Ромео не получает весточку о мнимой смерти Джульетты. Но особенно полюбилась режиссеру придуманная им шутка с Иисусом Христом. В эпизоде у брата Лоренцо на сцену вдруг выбегает длинноволосый мужчина в набедренной повязке с кровавыми ранами на руках и ногах, а сверху висит опустевший крест. Спаситель долго препирается с монахом неразборчивым высоким голосом, отказываясь вернуться на место, и вообще превращается едва ли не в самостоятельного героя спектакля. Правда, позже строптивец оказывается жонглером, отлично исполняет номер с кольцами и тем самым отчасти снимает неделикатность богохульного режиссерского прикола.

Предвижу вопрос, который сам задавал себе всю первую половину спектакля: ну хорошо, а как же будет «работать» цирк, когда шутки кончатся и героям придет пора умирать? Как вырулят от жизнерадостного, позитивного настроения остроумного шоу к трагической развязке? Ставили бы лучше в своем цирке какую-нибудь жизнерадостную шекспировскую комедию. Но шведы все-таки умудрились вырулить, хотя глубинного потрясения душевного состояния публики они, наверное, и не добивались. Декорация вдруг треснула пополам и разошлась в стороны двумя материками. Смерть обошлась без всяких трюков и номеров. И буквально одна точная деталь спасла спектакль от упрека в излишнем легкомыслии: Джульетта очнулась ото сна, когда Ромео был еще жив и яд еще только начинал скручивать его последней судорогой. То есть он успел понять, что принял смерть зря. Одной гимнастикой подобного драматического эффекта, конечно, не добьешься. Могут мне, конечно, возразить, что ставить трагедию как комедию а потом поддать чуть-чуть серьезу — невелика хитрость. Но ведь когда сегодня ставят трагедию как трагедию, то получается обычно несравненно хуже. Не свинство с похабством, конечно, но удовольствия никакого.